

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации М.В. Дубинской на тему «Полифонический роман Ф.М. Достоевского и творчество французских писателей-модернистов Андре Жида и Алена-Фурнье», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература, 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки и Австралии).

В диссертации исследуются историко-генетические и типологические связи между полифоническим романом Достоевского и творчеством двух французских писателей-модернистов – Андре Жида и Алена-Фурнье. Привлекается разнообразный, достаточный для решения поставленных задач, источниковедческий материал: письма, повести, романы Достоевского, критические и литературоведческие работы Андре Жида, художественная проза французских писателей: романы «Тесные врата», «Большой Мольн», повесть «Пасторальная симфония». Привлекаются письма Алена-Фурнье, позволяющие усилить достоверность и убедительность сделанных автором диссертации наблюдений.

Значимость любого исследования усиливается благодаря включению в научный оборот новых, доселе не известных или мало известных архивных и другого рода материалов. Ценным представляется анализ не вошедших в окончательный текст романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» черновики, позволяющих установить логику художественного замысла писателя, которая, как это убедительно показано в диссертации, в первоначальном намерении имела прямое соприкосновение с романом Достоевского «Братья

Карамазовы». Обнаруженный автором диссертации в рукописном архиве Шарля Перро вариант сказки «Золушка» («Пепелушка») актуализирует тему страдающих детей и женщин в творчестве В.Гюго и Достоевского (в неопубликованном варианте сказки прекрасный принц женится не на Золушке, а на мачехиной дочке).

Актуальность исследования видится мне в обращении к наследию М.М. Бахтина, в частности, к его по сей день дискуссионной идее полифонического романа. Идеям Бахтина суждена долгая жизнь, некоторые из них, как, например, теория речевых жанров, в последние года актуализирована сначала лингвистами, чуть позднее литературоведами. В концепции полифонического романа чрезвычайно сложной, не договоренной ее создателем, является вопрос о соотношении полноправных голосов героев и голоса автора, говорящего не о герое, как в традиционном монологическом романе, а с героем. Автор книги «Проблемы поэтики Достоевского» неоднократно подчеркивает положительную активность новой авторской позиции, постоянное присутствие сознания творца полифонического романа в тексте, но формы проявления этого сознания остались им не раскрытыми. Автор диссертации пытается (и не безуспешно!) раскрыть их с помощью концепции «тройственной полифонии» своего научного руководителя.

Актуально исследование влияния поэтики полифонического романа Достоевского и темы духовных исканий его героев на поэтику романов Андре Жида «Тесные врата» и Алена-Фурнье «Большой Мольн». Несомненно, важен анализ литературно-критических и литературоведческих работ Андре Жида, посвященных творчеству Достоевского, актуализация в этом наследии идей, предвосхищающих некоторые элементы поэтики полифонического романа. Все это позволяет раскрыть особенность межкультурной коммуникации,

возникшей между французской и русской литературами в трагической ситуации рубежа XIX и XX столетий.

Новизна исследования состоит в применении идей Бахтина и концепции «тройственной полифонии» В.В. Иванова на новом художественном материале, в убедительном раскрытии влияния полифонического романа Достоевского на французскую литературу начала XX века в лице двух ее представителей – Андре Жида и Алена-Фурнье, в привлечении ранее не известного архивного материала.

Диссертационное исследование последовательно и логично структурировано. Оно состоит из трех глав: глава 1 «Восприятие Ф.М. Достоевским французской литературы и литературной критики»; глава 2 «Восприятие творчества Ф.М. Достоевского Андреем Жидом: литературная критика, литературоведение, литературное творчество»; глава 3 «Полифоническая поэтика романа Алена-Фурнье "Большой Мольн"».

В первой главе целью исследования стало богатое критическое наследие Достоевского, сохраненное в его письмах (особенно ценны ранние письма к брату Михаилу), критических статьях, «Дневнике писателя». М.В. Дубинская обращает, прежде всего, внимание на восприятие Достоевским-читателем французской литературы. Она справедливо указывает на литературные предпочтения Достоевского, состоящие в его особой любви и внимании к творчеству В. Гюго, О. де Бальзака, Жорж Санд. Справедливо неоднократно подчеркнутое мнение о принципиальном расхождении Достоевского-критика с господствующей в русской критике, в том числе и у Белинского, недооценкой французской литературы. Нет нужды оспаривать мнение об устойчивости оценок Достоевским творчества почитаемых им французских писателей. Достаточно сопоставить его ранние суждения, что и делает автор диссертации, с критическими «инкрустациями» в тексте «Дневника писателя».

Смущает меня в этой главе лишь один момент: изъятие из контекста «Дневника писателя» отдельных глав и представление их в виде самостоятельных статей. Так, например, выглядит глава первая июньского выпуска «Дневника» за 1876 год «Смерть Жорж Занда», «Несколько слов о Жорж Занде». Подобная «операция» проделана и на странице 52. Это тем более странно, что М.В. Дубинская соглашается с современным автором Г.С. Прохоровой, доказывающей в своей статье полифоническую природу художественно-публицистического издания Достоевского, осуществляемого им с перерывами с 1873 по 1881 годы. Замечу попутно, в скобках: значительно ранее Г.С. Прохоровой, о том же аргументировано писала и выступала на авторитетных научных конференциях Т.В. Захарова. Сам Достоевский мыслил свой «Дневник» как некую, хотя и своеобразную, целостность. Я далека от мысли предлагать автору диссертации подробно исследовать контекстную природу литературно-критических вкраплений, делаемых автором «Дневника писателя», но хотя бы озвучивать понимание сложности художественного единства уникального текста Достоевского было бы не лишним.

Наиболее интересны в первой главе наблюдения над тем, как французская литература влияла на некоторые аспекты поэтики полифонического романа Достоевского. Так, например, допускается влияние мотива «скрытого предмета» в любимом Достоевским романе В.Гюго «Отверженные» на роман «Униженные и оскорбленные». Тонко сделанное уточнение о вторичном характере этого мотива, дополняющем основное фольклорное влияние, свидетельствует о филологической культуре автора диссертации.

Не лишним основанием представляется сделанное допущение о влиянии романа Ж. Санд «Консуэло» на роман Достоевского «Идиот». В

частности, мысль о прототипическом характере образа Альберта фон Рудольдштадта имеет, на мой взгляд, перспективу.

Автор диссертации в большинстве случаев уважительно относится к трудам предшественников, корректно полемизирует или аргументировано дополняет сделанные ранее наблюдения. Интересно продолжены наблюдения В.В. Виноградова об «осколках семантики» произведения В. Гюго «Последний день приговоренного к смерти» в сцене самоубийства Кириллова в «Бесах». К сожалению, здесь неточно цитируется название, употребленное Достоевским в «Дневнике писателя»: там «Последний день приговоренного к смертной казни», в диссертации – «Последний день приговоренного к смерти».

Общий вывод первой главы о том, что романы В. Гюго, Ж. Санд, более, чем какие-либо другие, оказали влияние на формирование полифонизма Достоевского, представляется мне в основном верным, но нуждающимся в уточнении. Если принять безоговорочно это утверждение, то логично будет предположить, что романтическая литература в целом (Достоевский был знаком не только с творчеством французских романтиков) оказала подобное влияние. Возникает вопрос: можно ли говорить о специфике именно французского романтизма (а, например, не немецкого) в плане его влияния на художественный мир Достоевского?

Во второй главе убедительно раскрывается литературно-критическая концепция Андре Жида, восприятие французским критиком и писателем творчества русского гения. Ценными представляются выводы о том, что автор романа «Тесные врата» во многом предвосхитил некоторые элементы поэтики полифонического романа. Независимо от М.М. Бахтина, примерно в то же время, А. Жид приходит к идее самостоятельности «голоса-позиции» героя по отношению к авторской точке зрения. А.Жид пишет о трех слоях души героев Достоевского: интеллектуальной, страстной и более глубокой, в которой живет

князь Мышкин (видимо, речь идет о духовной, или метафизической сфере). Обращается внимание на интерес французского писателя и критика к внутреннему монологу Достоевского, к множественности «голосов-позиций» его героев и т.п. В целом же, как можно понять из логики проанализированного материала, главный объект полемического неприятия А.Жида – свойственное французской литературе его времени жесткое морализаторство, что на уровне поэтики было представлено однолинейной структурой, выражаясь языком М.М. Бахтина, монологического романа. М.В. Дубинская приводит глубокие слова критика: «Горе книгам, в которых есть выводы, именно они сначала более всего нравятся публике. Через 20 лет выводы раздавят книгу». И он же справедливо замечает о том, что Достоевский никогда не сводил мир к теории, не позволял сузить себя до теоретизирования, т.е. по сути, говорит об одной из генеральных почвеннических идей. Однако стоит заметить, что морализирование в открытой форме, особенно сконцентрированное в финале произведения, подводящее окончательную черту судьбы героя, не свойственно высокой русской литературе. Достаточно напомнить о «многоточиях» финалов «Евгения Онегина», «Мертвых душ», «Войны и мира», даже самого публицистического романа Толстого «Воскресение»... Однако Бахтин относил эти произведения к традиционному монологическому жанру. Суть моего сомнения в следующем: не следует ли привести дополнительные аргументы в подтверждение тезиса о предвосхищении А.Жидом-критиком структурообразующих элементов поэтики полифонического романа?

В этой же главе принцип «тройственный полифонии», заявленный во введении в качестве базисного, реализуется при анализе романа «Тесные врата». Кроме того, привлекается повесть «Пасторальная симфония», мастерски проанализированная в аспекте выявления музыкальной полифонии в структуре вербального текста. Повесть сопоставляется с музыкальной симфонией, что позволяет, с одной стороны, ощутить атмосферу кризисной

культуры рубежа двух столетий, выдвинувшей доминирующую идею нового художественного синкретизма, с другой, наглядно продемонстрировать полифонический характер этого произведения. В последние годы о симфонической природе текстов Гоголя, Платонова талантливо пишет Н.Н. Брагина, музыковед по первому образованию. Вновь, с сожалением, приходится сказать о допущенной небрежности: не раз появляется имя некоего Викторовича (без инициалов, может быть, это Владимир Викторович?), который якобы вместе с Л.П. Гроссманом писал об уподоблении литературного полифонического произведения музыкальной симфонии (см. стр. 106, 110, 140). В списке литературы это имя отсутствует. Видимо, Викторович появился вместо В.Л. Комаровича по недосмотру.

Анализ романа «Тесные врата» проведен тщательно в соответствии с выбранной теоретико-методологической основой: принцип «тройственной полифонии» реализуется последовательно, целеустремленно. Обращается внимание на незамеченную Бахтиным культурно-историческую и историко-литературную почву полифонизма – народную молву, т.е. ту народную почву, из которой возникают античные жанры «Сократического диалога» и «Менипповой сатиры», названные Бахтиным исходными для полифонического романа Достоевского. Анализируются в качестве источников народной молвы переписка как героев Достоевского («Бедные люди»), так и А. Жида. Подробно и аргументировано говорится о важном для героев обоих писателей обсуждении прочитанных книг, качественно и количественно усиливающих многоголосье романов. Речь идет о так называемом «книжном сознании», бытовавшем и во времена Достоевского, и во времена А. Жида в весьма разнообразных формах. Нет сомнения, что не только автор «Бедных людей» был «гениальным читателем» (А.Л. Бем), но и многие его герои, в том числе «маленький человек» Макар Алексеевич Девушкин. Вспомним критические «эссе» Девушкина о двух шедеврах русской литературы – «Станционном

смотрителе» и «Шинели». Финал романа А. Жида автор диссертации считает максимально приближенным к финалам романов Достоевского, в частности к роману «Преступление и наказание».

Позволю себе привести цитату из диссертации, с тем, чтобы максимально корректно передать мысль автора, которая вызывает у меня сомнения. Комментируются последняя фраза романа «Тесные врата», произнесенная сестрой безвременно погибшей главной героини романа Жюльеттой: «"Ну-с, пора просыпаться...". Эти слова выражают позицию Бога, поскольку позиция Алисы в них признается ошибочной как позиция человека, погруженного в духовный сон. Факт ранней смерти героини отражает позицию отвергнутого Алисой голоса Бога: ложный идеал приводит героиню на пути духовного поиска в тупик. Здесь мы видим ту же сюжетную развязку, которую наблюдаем у Достоевского в ряде его романов. Если герой Достоевского не способен услышать голос Бога (не способен к духовному пробуждению), то судьба его завершается трагически» (с. 115). Еще одно суждение: «Принцип тройственной полифонии указывает на место авторского голоса по отношению к голосу героя. Голос автора стоит за звучанием всех голосов-позиций, но собственная позиция автора согласуется с голосом-позицией того героя, который стремится к Истине («голосу» Бога) (с. 17). На стр. 119: «Жид не приемлет ожидания счастья, отнесенного за пределы земной жизни. Он разделяет веру героев Достоевского, а с ними и самого писателя, в возможность счастья здесь и сейчас, переживаемого как ощущение вопреки всем внешним обстоятельствам». И далее приводятся известные слова Кириллова из «Бесов» о возможности человека стать счастливым в любое мгновение. И наконец: утверждение о том, что устами князя Мышкина «Достоевский выразил идею спасительности силы духовной красоты: «Мир спасет красота» (с. 108). В последнем высказывании – фактическая ошибка: Мышкин ни разу не произносит фразу о спасительной силе красоты, ее ему приписывают Ипполит

Терентьев, сестры Епанчины. Но дело даже не в этой невнимательности. Возникает двусмысленность в предпринятой идентификации голосов героев с голосом автора. Ранее было сказано, что голос автора звучит (или отзывается?) в голосах героев, стремящихся к Богу. Но разве Кириллов в своем безумном гностическом порыве перескочить через «падшую» материю в инобытие, где «времени больше не будет», устремлен к Богу? Думаю, вопрос риторический. Каковы основания приписывать слова даже князя Мышкина («положительно прекрасный человек» в авторской характеристике) автору «Идиота»? По мнению создателя полифонической теории М.М. Бахтина, учиться нужно не у Раскольникова, не у Сони, не у Ивана Карамазова, не у Зосимы, отрывая их голоса от полифонического целого романа (и уже тем самым искажая их), – учиться надо у самого Достоевского, как творца полифонического романа. А это означает невозможность отождествления голоса ни одного из героев художественного «космоса» Достоевского с его собственным голосом.

Самое же для меня спорное – выражение «голос-позиция» Бога. Хотелось бы прояснить это важное для автора диссертации понятие, особенно вопрос о формах его воплощения. Не пытаемся ли мы включить принципиально непознаваемого в своей сущности Бога в систему созданной художественной фантазией человека сферу, проще говоря, сделать его героем культуры? В таком случае возникает приближающаяся к постмодернизму парадигма, уравнивающая всё со всем, исключая Абсолют в любых проявлениях, не имеющая никакого отношения к созданному Достоевским иерархически структурированному художественному миру, о трехчастной ступенчатости которого (эмпирической, психологической, метафизической) писал в свое время Вяч. Иванов.

Почему выше процитированные заключительные слова романа А.Жида «Тесные врата» выражают позицию Бога, а не героини, не автора роман, наконец? Почему образ неба, увиденный Алешей Карамазовым,

символизирует невербальный голос Бога? (с. 157). Кстати сказать, образ неба увиден героем «Братьев Карамазовым» не в сне-видении о Кане Галилейской возле гроба почившего старца Зосимы, а после него, т.е. наяву. Это важно.

Ценным в этой главе, в диссертации в целом представляется разработанный М.В. Дубинской теоретико-понятийный аппарат. Введены такие продуктивные термины: «хронотоп стороннего наблюдателя», «хронотопная рамка пороговой ситуации», «замерзший хронотоп», «маска психологического состояния», «стоп-кадр».

Можно считать доказанными итоговые положения второй главы об уподоблении жанрово-композиционной структуры «Пасторальной симфонии» композиции полифонического музыкального произведения, об использовании в романе «Тесные врата» известных поэтике Достоевского приемов конклава и хронотопа в усложненной, в сравнении с предшественником, форме.

Наиболее продуктивной в качестве оригинальности предложенных идей и осуществленных подходов представляется последняя третья глава «Полифоническая поэтика романа Алена-Фурнье «Большой Мольн». Исследуется поэтика конклава (термин Л.П. Гроссмана), хронотопа (термин М.М. Бахтина), особенности карнавализации. Интересной, доказанной представляется разработанная автором диссертации идея духовного календаря романа, сочетающего католический календарь с кельтским, христианский с языческим. Мысль о том, что Алена-Фурнье наследует традиции «реализма в высшем смысле» получает в этой главе убедительное воплощение.

Исследуется тема детства (редкая во французской литературе) у Алена-Фурнье и у Достоевского на материале романов «Большой Мольн» и «Братья Карамазовы». Возможен, но не обязателен, сопоставительный анализ с романами «Идиот», для которого чрезвычайно важна детская тема, с романом

«Подросток», главная тема которого – взросление Подростка. Последний из указанных романов Ален-Фурнье, как утверждает автор диссертации, не имел сил дочитать до конца. Справедливо уточнение о том, что учитывая опыт Достоевского, автор романа «Большой Мольн» выстроил композицию романа, сообразуясь с собственной системой конклава, с оригинальным художественным топосом, с созданным им своеобразным духовным календарем.

Общие выводы, сделанные в конце диссертации, отличаются доказательностью, аргументированностью, убедительностью. Привлеченный источниковедческий, теоретико-методологический, критический, литературоведческий материал оказался достаточным для проведения предпринятого исследования.

Главный результат диссертации – в доказательстве сквозного положения о плодотворном влиянии полифонического романа Достоевского на творчество писателей-модернистов А. Жида и Алена-Фурнье, следовательно, о непрерываемом историко-культурном диалоге между русской и французской литературами.

Диссертационное исследование М.В. Дубинской расширяет и дополняет представление о взаимосвязях между классической русской литературой XIX века и французской литературой модернизма. Уточняются отдельные стороны влияния некоторых явлений поэтики французской литературы на становление поэтики полифонического романа Достоевского.

Его результаты могут быть использованы при разработке курсов истории русской литературы XIX века, истории французской литературы модернизма, спецкурсов по поэтике Достоевского, Андре Жида, Алена-Фурнье для подготовки бакалавров и магистрантов.

Диссертация М.В. Дубинской представляет собой оригинальное, концептуальное исследование генетических и типологических связей полифонического романа Достоевского и творчества французских писателей-модернистов Андре Жида и Алена-Фурнье, выполненное на солидной теоретико-методологической базе. Его актуальность и новизна, практическая значимость не вызывают сомнения. Высказанные замечания не колеблют позитивной оценки. Опубликованные статьи (всего четырнадцать, пять из которых напечатаны в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ) и автореферат полно отражают основное содержание диссертации.

Диссертационное исследование М.В. Дубинской вполне соответствует требованиям п.9. 10,11,13,14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842) в отношении кандидатских диссертаций по филологическим наукам. Автор диссертации заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература, 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки и Австралии)

Официальный оппонент

Доктор филологических наук (специальность 10.01.01. – русская литература), профессор кафедры русской словесности и культурологи Ивановского государственного университета

Ермилова Галина Георгиевна

Почтовый адрес: 153022 Иваново, ул. Б. Хмельницкого, д.63, кв.8.

Электронный адрес: ermilova-galina@mail.ru

Телефон: 89806814179

17 декабря 2016 г.

Подпись *Ермилова Г.Г.*
Заведующий
Ученый секретарь совета ИвГУ
Алиф Абедова Ч.В.
«17» декабря 2016 г.